
ХОЗЯИН ВОРОНЬЕГО МЫСА
АННА ЛАРЕН

Анна Ларен

Хозяин Вороньего мыса

«Автор»
2026

Ларен А.

Хозяин Вороньего мыса / А. Ларен — «Автор», 2026

Элинор Марш приезжает в Вороний мыс, чтобы ухаживать за его хозяином. После гибели жены и дочери Натаниэль Эшкомб не может ходить, не выносит чужой жалости и встречает новую сиделку требованием убираться.Она остаётся.За его яростью Элинор постепенно различает отчаяние, за собственным упрямством — чувство, которого боится всё сильнее. Но в этом доме опасно открывать запертые двери. Особенно те, за которыми скрыто прошлое.Натаниэль знает о гибели своей семьи далеко не всё. А человек, однажды отнявший у него счастье, уже заметил, что в окнах Вороньего мыса снова горит свет.

© Ларен А., 2026
© Автор, 2026

Анна Ларен
Хозяин Вороньего мыса

Хозяин Вороньего мыса

Пролог

Британия, апрель 1806 года

Гроза разыгралась не на шутку. Блеск яркой молнии, сопровождающийся громовым раскатом – и небо раскололось на две половины. Из трещины хлынула вода.

Ливень шел всю ночь, не переставая, превращая дорогу к монастырю в грязное месиво. Сам монастырь, изредка освещаемый молнией, казался в ночи темной неясной громадой. Он был спящим, безмолвным, но тусклый огонек, мерцавший в одном из окон первого этажа, выдавал в нем присутствие жизни. Всякий, заглянувший в это окно, стал бы свидетелем странной сцены. В комнате, освещенной лишь одной свечой, за столом сидела крупная женщина в одежде настоятельницы. Лицо ее хранило суровое выражение, между бровей пролегла глубокая морщина. Возраст женщины определить было сложно: ей можно было с равным успехом дать и тридцать, и пятьдесят лет. Она строго смотрела на двух своих посетительниц. Одной из них была женщина средних лет в грубой крестьянской одежде с разбитыми сабо на ногах. Наряд ее явно не соответствовал погоде. Рядом с ней сидело странное существо. Девочка лет семи жалась к женщине, словно желала слиться с ней. Ребенка била мелкая дрожь, то ли от холода, то ли от страха.

Женщина держала на коленях узелок. Мокрые пальцы вцепились в него с такой силой, что костяшки побелели, хотя украсть этот узелок здесь было некому, да и содержимое его едва ли стоило подобных опасений.

— Как вас зовут? — спросила настоятельница.

— Мэри Марш, матушка.

— А ребёнка?

Девочка подняла голову. До этого она смотрела на тёмную полоску воды, медленно расползавшуюся от материнских башмаков по каменным плитам. Её собственные ноги были босы. Мать сняла с неё чулки ещё у ворот, выжала их и сунула за пазуху, а теперь Нелл боялась пошевелиться: под скамьёй было темно, и ей казалось, что холод поджидает именно там.

— Элинор, — ответила мать. — Мы её Нелл зовём.

— Я тебя спрашиваю, дитя. Ты умеешь говорить?

— Умею.

— Сколько тебе лет?

— Семь. Только я уже большая.

Мать быстро провела ладонью по её мокрой голове.

— Она может и воду принести, и вымести. Не думайте, что я вам совсем бесполезную привела. Шить пока плохо умеет, но научится. Я её учила, только…

Она замолчала. Под пальцами у неё выбилась из узла полоска серой ткани, и она принялась заправлять её внутрь, словно именно это сейчас требовало всего её внимания.

Настоятельница посмотрела на босые ноги девочки.

— Сестра Агнес, найдите ей что-нибудь сухое.

До этой минуты Нелл не замечала второй женщины. Та сидела сбоку, возле очага, в котором едва тлели угли. Теперь она поднялась, и девочка увидела, что у неё на рукаве пришита заплата, очень аккуратная, почти квадратная. Почему-то от этой заплаты стало не так страшно.

— Снимем платье, — сказала женщина. — А то ты нам здесь лужу устроишь.

Нелл ещё крепче вцепилась в материнскую юбку.

— После, — попросила Мэри. — Пусть пока со мной побудет.

Сестра Агнес не стала спорить. Она принесла шерстяное одеяло, обернула им девочку и присела перед нею.

— Ноги тоже спрячь. Обе. Одной мало.

Нелл послушалась. Мать смотрела на неё, не мигая, и от этого взгляда страх вернулся, хотя под одеялом уже становилось теплее.

— Мужа вашего нет в живых? — спросила настоятельница.

— С осени.

— Родных?

— Есть сестра. У неё своих пятеро. Она нас пустила, сколько могла.

За окном прогремело, и огонёк свечи резко наклонился. Нелл вздрогнула. Материнская рука легла ей на плечо, но не притянула к себе, как бывало прежде, а только осталась лежать, тяжёлая и неподвижная.

— Я работы не боюсь, — продолжала Мэри. — Но вместе с девочкой меня не берут. У мистера Хоббса на ферме я жила до Рождества, пока его жена не сказала, что лишний рот ей ни к чему. А потом… Вы не подумайте, она не больная. Просто давно досыта не ела.

— Вы просите принять её в школу?

Мэри опустила голову.

— Мне нечем платить.

— И вы знаете, как мало у нас места.

— Мне сказали, вы берёте помогать по дому. Пусть помогает. За еду. А как подрастёт, может, останется у вас. Монахиней.

Нелл не поняла последнего слова. Она знала только, что речь идёт о ней и что мать старается говорить тихо, но у неё всё равно не получается.

— Я много не ем, — сказала она.

Мэри повернулась к ней так быстро, что одеяло соскользнуло с плеча.

— Молчи, Нелл.

— Я только хлеба. Можно без масла.

Сестра Агнес поправила одеяло, и девочка заметила у неё на большом пальце тёмное пятнышко, похожее на чернила. Женщина некоторое время держала её плечо. Ничего не говорила, только держала.

— В семь лет никто не решает, станет ли ребёнок монахиней, — наконец произнесла настоятельница. — Здесь не покупают будущее за миску похлёбки.

Мэри покраснела. Даже при слабом свете было видно, как пятна проступили у неё на щеках.

— Я не так хотела сказать.

— Знаю.

Это короткое слово заставило её поднять голову.

— Оставьте её до утра, — сказала настоятельница. — Вы тоже переночуете. Агнес, распорядитесь насчёт кухни.

— Мне надо идти, матушка.

— Сейчас?

— На рассвете меня ждут на дороге. Женщина из Уитби обещала взять с собой. Там ищут работницу в прачечную. Если не приду, другой наймут.

Она говорила всё быстрее, а Нелл прислушивалась к шуму воды в водостоке. Вода падала куда-то с высоты, захлёбывалась, снова начинала стучать. Ей вдруг отчётливо вспомнилась дорога сюда: мать несла её на спине через разлившийся ручей, оскальзывалась, сердито велела не дёргаться. Тогда Нелл думала, что они идут попросить еды.

— Мы утром уйдём? — спросила она.

Мэри не ответила.

— Мам?

— Ты побудешь здесь.

— А ты?

Мать потянула за узел. Он не поддавался, разбухнув от воды. Сестра Агнес протянула руку, но Мэри отстранила её и наконец развязала сама. Внутри лежали рубашка, деревянный гребень и старый чулок, завязанный с одного конца. Из чулка она достала маленькую тряпичную куклу.

— Вот. Смотри, я и Бесс взяла. Ты думала, забыла?

Нелл не протянула руки.

Кукла была в коричневом платье, сшитом из того же лоскута, которым мать когда-то надставила собственную юбку. Раньше это нравилось Нелл: получалось, что Бесс тоже их родственница. Теперь она смотрела на куклу и никак не могла сообразить, почему её принесли сюда вместе с рубашкой и гребнем.

— Ты меня оставляешь?

Мэри прижала куклу к груди, словно девочка могла отнять её.

— Здесь тебе будет хорошо.

— Я не хочу хорошо.

— Нелл…

— Я с тобой.

Она выскользнула из одеяла, встала на холодный пол и обняла мать за шею. Мэри тоже обняла её, торопливо, больно, уткнулась лицом в мокрые волосы. От неё пахло дождём и дымом. Нелл знала этот запах лучше всякого другого и потому никак не могла поверить, что мать может сейчас подняться и уйти без неё.

— Я буду работать, — шепнула она. — Правда. Я больше не стану прятаться от миссис Хоббс. И кур не выпущу.

— Знаю, девочка моя.

— Тогда возьми меня.

Мэри ничего не сказала. Только пальцы её ещё сильнее стиснули детскую спину.

Сестра Агнес отвернулась к очагу и долго поправляла кочергой угли, хотя поправлять там было почти нечего.

Позже Нелл вспоминала эту ночь по отдельным кусочкам. Горячая миска, которую трудно удержать в озябших руках. Чужая рубашка, слишком длинная, с узкими завязками у горла. Мать, сидящая рядом на кровати и растирающая ей ступни. В темноте её лица не было видно, но Нелл слышала, как она дышит, и старалась не засыпать.

— Ты ведь утром меня разбудишь?

— Спи.

— Обещай.

Мать наклонилась и поцеловала её в лоб. Нелл почувствовала на щеке что-то мокрое, вытерла рукавом и сердито подумала, что дождь, наверное, проник даже сюда.

Когда она открыла глаза, в комнате было светло. Дождь закончился. На стене дрожало бледное пятно, и кто-то за окном с протяжным скрипом тянул воду из колодца.

На соседней подушке лежала Бесс.

Нелл села, прислушалась, потом соскочила с кровати. Длинная рубашка путалась в ногах. Она выбежала в коридор, не сразу нашла лестницу и едва не столкнулась с сестрой Агнес, несшей таз.

— Где мама?

Женщина поставила таз на подоконник.

— Нелл, у тебя ноги босые.

— Где мама?

Сестра Агнес присела перед нею. Теперь Нелл увидела, что пятно на её пальце было вовсе не чернильным: под ногтем засохла тёмная полоска земли.

— Она ушла рано, дитя.

Нелл оттолкнула её руку и бросилась вниз. Тяжёлая входная дверь оказалась заперта; девочка дёргала за железную ручку, пока ладонь не заболела, потом стала стучать кулаками. За дверью были двор, ворота, дорога. Она помнила дорогу. Если бы ей открыли, она бы нашла.

Сестра Агнес подошла, но не стала сразу оттаскивать её. Стояла рядом, пока Нелл стучала, а потом подхватила, когда у той подогнулись колени.

Девочка извивалась у неё на руках, хватала за рукава и кричала, чтобы её пустили к матери. Сестра Агнес только придерживала рубашку, не позволяя ей сползти с худого плеча.

На лестнице появились две испуганные воспитанницы. Одна уже раскрыла рот, собираясь что-то спросить.

— За чулками, — велела сестра Агнес. — И за башмаками. Живо.

Она прижала дрожащую девочку к себе и понесла в кухню.

Нелл ещё долго смотрела оттуда на дверь. Всякий раз, когда за стеной раздавались шаги, она переставала плакать и поднимала голову.

Глава первая

Впервые Элинор решила покинуть монастырь через три дня после приезда. Она завязала рубашку, гребень и Бесс в прежний узелок, дождалась, когда сестра Маргарет понесёт помои к свинарнику, и выскользнула вслед за нею через хозяйственную дверь. Далеко уйти не удалось. У ворот пасся гусак, с которым новая воспитанница ещё не была знакома, и знакомство получилось таким шумным, что на крик выбежала половина обители.

Вторую попытку она предприняла уже с палкой.

На этот раз сестра Агнес нашла её на дороге: Нелл сидела на камне и вытряхивала из башмака мелкие острые камешки. Башмак был велик, палка мешала, узелок всё время развязывался. Увидев монахиню, она поспешно обулась, но встать не успела.

— Далеко собралась?

— В Уитби.

— Это в другую сторону.

Нелл нахмурилась. Несколько мгновений она разглядывала дорогу с таким выражением, словно та нарочно обманула её.

— А в какую надо?

Сестра Агнес присела на соседний камень.

— Сначала надо поесть.

— Я ела.

— Ты спрятала хлеб в карман. Это не совсем одно и то же.

Нелл прижала руку к юбке. Хлеб действительно был там. За завтраком она не смогла проглотить ни кусочка, но взять его в дорогу показалось необходимым.

Некоторое время они сидели молча. На дальнем поле человек вёл лошадь вдоль борозды; ветер доносил скрип упряжи и запах свежей земли. Сестра Агнес не говорила о благодарности, которой следовало бы исполниться девочке, получившей кров и пищу, и не объясняла, как непослушанием огорчают Господа. От этого было немного легче и в то же время обиднее: Нелл приготовила ответы на все подобные упрёки.

— Она за мной придёт? — наконец спросила девочка.

Сестра Агнес потеребила завязку передника.

— Не знаю.

Нелл посмотрела на неё. До сих пор все взрослые, если не знали ответа, принимались рассказывать что-нибудь другое.

— Ты можешь сердиться, — добавила женщина. — Только ноги-то зачем стирать?

Она развязала узелок, достала рубашку и оторвала от старого подола узкую полоску. Обмотала натёртую пятку, снова надела башмак. Девочка терпела, глядя на её склонённую голову.

Назад они пошли вместе. Узелок сестра Агнес несла сама, а палку Нелл оставила у дороги. Брать её снова не хотелось: слишком хорошо она напоминала о неудаче.

К осени девочка перестала спрашивать о матери. Если у ворот появлялась незнакомая женщина, она всё ещё выбегала во двор, но уже находила этому какое-нибудь объяснение. Ей нужно было принести поленья, позвать сестру-привратницу, посмотреть, не ушли ли куры за ограду. Постепенно исчезла и эта привычка.

В обители Святой Анны жили двенадцать сестёр и почти столько же девочек. Большинство воспитанниц приезжало на несколько лет учиться чтению, письму и рукоделию; за них платили семьи. Нескольких, как Нелл, содержали на пожертвования. Сам дом пожертвовал сёстрам старый католик из соседнего имения, и на стене в трапезной до сих пор висел его портрет: пожилой господин в парике держал руку на книге и, по мнению Нелл, с неодобрением следил за каждой лишней ложкой каши.

Здание когда-то было усадьбой. К нему пристроили часовню, хозяйственные помещения и длинную узкую галерею, в которой зимой пахло мокрой шерстью. За домом находились огород, плодовые деревья и небольшой сад лекарственных растений. Дальше тянулся луг, а за ним дорога уходила между холмами. Море отсюда нельзя было увидеть, но перед ненастьем оно давало о себе знать: над крышей появлялись чайки, и воздух становился солоноватым.

Нелл быстро изучила дом и окрестности. Она знала, какую половицу надо переступать, чтобы не разбудить сестру-привратницу, где раньше других созревают сливы и почему нельзя трогать маленькую латунную коробочку на столе настоятельницы. Последнее знание досталось особенно дорого. В коробочке хранился нюхательный табак.

— Я только хотела понюхать, — объясняла она сквозь слёзы и чихание.

— Что ж, любознательность твоя вполне удовлетворена, — сказала настоятельница и вручила ей ещё один платок.

За годы жизни в обители Элинор много раз слышала, что её характеру недостаёт смирения. Сама она полагала, что смирения у неё достаточно, просто оно редко успевает пригодиться.

В одиннадцать лет она забралась на крышу дровяного сарая за котёнком, который, судя по возмущённому крику, вовсе не желал быть спасённым. Когда сестра Агнес подошла к сараю, на земле уже стояла лестница, а внизу собрались девочки.

— Не смотри вниз! — крикнула одна.

Разумеется, Нелл посмотрела.

Высота, прежде казавшаяся незначительной, вдруг увеличилась. Котёнок вцепился ей в рукав и протяжно завыл.

— Ступай сюда, — сказала сестра Агнес.

— Он не даётся.

— Я с тобой разговариваю. Кот, насколько понимаю, доволен своим положением.

Нелл всё-таки принесла его вниз, но при этом содрала ладонь о край крыши. Сестра Агнес усадила её у окна в маленькой комнате возле кухни, где хранились чистые полотняные полосы, сушёные травы и несколько бутылок с надписями, сделанными крупным уверенным почерком.

— Будет щипать.

— Я не боюсь.

Когда защипало, Элинор изменила своё мнение.

— Не дуй, — велела сестра. — Держи спокойно.

Девочка отвернулась к полке. Между пузырьками стояла глиняная чашка с отбитой ручкой; в ней лежали ножницы. Рядом сушился на нитке пучок каких-то листьев.

— А это от чего?

— От твоих вопросов пока ничего не нашла.

— Я серьёзно.

Сестра Агнес подняла глаза. Убедившись, что девочка и вправду спрашивает всерьёз, она назвала растение и объяснила, зачем его держит. Нелл слушала, забыв о ладони. Потом спросила про соседнюю бутылку. Потом про ножницы.

На следующий день она сама пришла после уроков и предложила вымыть чашки.

Сначала ей доверяли только простую работу. Мыть, сушить, складывать, следить, чтобы в тазу была тёплая вода. Элинор это раздражало. Она хотела немедленно научиться всему, что умела сестра Агнес, и считала перебирание полотна довольно бессмысленной задержкой.

Однажды, торопясь закончить, она сложила ещё влажные полосы в закрытый ящик. Через несколько дней сестра Агнес открыла его и молча подозвала помощницу.

Запах был красноречивее упрёка.

Элинор пришлось всё перестирать. С тех пор она проверяла каждую полосу, прикладывая её к щеке, и сердилась, если кто-нибудь пытался убрать бельё раньше времени.

В четырнадцать лет она просидела свою первую ночь у больной. Маленькая воспитанница по имени Роза металась в жару, скидывала одеяло и звала отца, который находился в нескольких днях пути. Элинор меняла намокшую рубашку, подносила питьё и никак не могла понять, почему Роза, обычно такая тихая, теперь не слушается и отталкивает чашку.

— Она же сама пить просила, — шепнула девушка, когда сестра Агнес вернулась.

— Ей трудно.

— Я вижу.

— Пока видишь, что трудно тебе.

Элинор обиделась. Она не спала почти всю ночь, терпела капризы, а ей ещё и выговаривали. Но потом Роза снова позвала отца, и в этом тонком измученном голосе послышалось что-то настолько знакомое, что Элинор отвела взгляд.

Она перестала убеждать девочку, что та должна вести себя разумно. Просто села удобнее и держала чашку, пока Роза не смогла сделать несколько глотков.

К утру у Элинор затекла спина, на рукаве засохло пятно от пролитого отвара, а Роза наконец уснула. Сестра Агнес нашла помощницу сидящей на полу: так было удобнее положить голову на край кровати, не выпуская маленькую ладонь, вцепившуюся в её пальцы.

После этой ночи в комнате возле кухни для Элинор устроили отдельную полку.

Она училась медленнее, чем хотела, и быстрее, чем предполагала наставница. Сестра Агнес могла рассердиться на небрежность, но никогда не раздражалась из-за вопроса. Знала она многое, а если чего-то не знала, не считала нужным скрывать. В молодости ей довелось ухаживать за больными в доме, где жила её община до возвращения в Англию. Позже она помогала местному врачу; тот, пожилой человек с больными пальцами, охотно брал терпеливую помощницу, способную подолгу придерживать повязку и не падать в обморок при виде крови.

Когда Элинор исполнилось семнадцать, врач позволил ей помогать на перевязках. К концу первого дня она так устала, что на обратном пути опустилась возле дороги и заявила, что больше не встанет.

— Прекрасно, — сказала сестра Агнес. — Будем ждать, пока нас подберут.

— Вы совсем не устали?

— Очень. Поэтому я бы предпочла добраться до дома.

Элинор с трудом поднялась.

Вечером она отказалась от ужина. Потом всё-таки пришла на кухню, когда остальные уже разошлись. Сестра Агнес сидела у стола, выставив вперёд опухшие ноги. Перед нею стояли две миски.

Элинор ничего не сказала. Подвинула одну к себе и принялась есть.

О будущем они заговорили значительно позже.

Воспитанницы обители взрослели и уезжали. Одних забирали родители, другим находили места компаньонок или учительниц. Время от времени в доме появлялись молодые женщины с детьми, и Элинор с некоторым изумлением узнавала в них девочек, с которыми ещё недавно делила яблоки. Ей самой ехать было некуда. Это обстоятельство долго казалось таким естественным, что она почти перестала его замечать.

Настоятельница однажды спросила, думает ли она остаться в общине.

Элинор стояла перед её столом и смотрела на латунную табакерку. За четырнадцать лет та почти не изменилась, только крышка потемнела по краям.

— Нет, матушка.

Ответ прозвучал слишком быстро. Она приготовилась объяснять, просить ещё времени, уверять, что не забыла всего сделанного для неё.

Настоятельница закрыла книгу.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

— Вы не сердитесь?

— Мне хотелось бы дожить до дня, когда ты перестанешь принимать любой вопрос за начало ссоры.

Элинор покраснела.

— Я благодарна вам.

— Я спрашивала не об этом.

В саду она нашла сестру Агнес. Та сидела на низкой скамейке и отделяла сухие листья от стеблей. На коленях у неё лежал передник, наполненный сероватой трухой.

— Матушка со мной говорила.

— Подержи-ка корзину.

Элинор взяла корзину.

— Я сказала, что не останусь.

Сестра Агнес ссыпала листья, тщательно отряхнула передник и только тогда посмотрела на неё.

— Это ты мне сообщаешь или утешаешь?

— Не знаю.

— Тогда садись. Будем разбираться.

Элинор села. Ветер шевелил голые ветви яблонь; возле стены уже пробивались первые ростки, и земля была тёмной, сырой. Откуда-то доносился стук: в хозяйственном дворе чинили телегу.

— Я не хочу, чтобы вы думали…

Она остановилась, с досадой отломила сухой стебель и бросила в сторону.

— Что именно?

— Будто мне здесь плохо.

Сестра Агнес отобрала у неё следующий стебель.

— Этот ещё нужен.

Некоторое время они работали молча. Элинор хотелось сказать больше, но слова упорно становились жалкими и неуклюжими. Ей нравилось помогать больным, нравился сад, нравилось просыпаться в доме, где она знала каждый скрип. И всё же иногда, услышав за воротами колёса, она испытывала такое острое желание уехать вместе с незнакомыми людьми, что потом долго стыдилась этого желания.

— Есть одно место, — сказала наконец сестра Агнес. — Я ещё не знаю, подойдёт ли оно тебе.

— Где?

— Вороний мыс.

Элинор повернулась.

О замке она слышала. Здесь вообще трудно было найти человека, который не слышал бы об Эшкомбах, хотя рассказы отличались друг от друга настолько, будто речь шла о нескольких семьях. Было известно, что жена хозяина и маленькая дочь погибли, а сам он после этого тяжело заболел. Дальше начинались подробности, которые каждый рассказчик считал совершенно достоверными.

— Ему нужна сиделка, — продолжала сестра Агнес. — Доктор Фенвик написал мне. Две женщины уехали. Третья ещё там, но ненадолго.

— Он так тяжело болен?

— Он так тяжело обращается с людьми.

Элинор невольно улыбнулась. Сестра Агнес не поддержала улыбки.

— Я говорю серьёзно. Он не ходит. Почти не позволяет за собой ухаживать. Может оскорбить, прогнать, отказаться от еды. Доктор считает, что здоровье его ухудшается от дурного ухода, но человек, которому этот уход предлагают, придерживается иного мнения.

— И вы решили отправить к нему меня?

— Пока я решила с тобой поговорить.

Элинор опустила глаза на корзину. На дне лежал маленький чёрный жук, ещё неподвижный после зимы. Она осторожно подставила ему стебель и перенесла на скамейку.

— Он старый?

— Нет.

— А доктор уверен, что… что я справлюсь?

— Доктор уверен, что ты умеешь слушать, когда перестаёшь говорить.

— Это случается чаще, чем принято считать.

— Вот и хорошо.

Сестра Агнес взяла её за руку. Элинор с удивлением почувствовала холод её пальцев.

— Не соглашайся из благодарности ко мне. И не соглашайся только потому, что тебе хочется доказать, будто ты можешь всё.

Она хотела возразить, но наставница ещё держала её руку, и это заставило помолчать.

— Я могу вернуться?

— Конечно.

Элинор кивнула. Только после этого ей удалось представить себя в незнакомом доме: она приезжает, ставит вещи, спрашивает, где вода и чистое бельё. Всё это было понятно. Всё это она умела.

— Тогда я попробую.

Через неделю, укладывая вещи, она нашла на дне ящика Бесс. От кукольного платья осталась почти одна подкладка, вышитые нитками глаза выцвели. Элинор подержала её на ладони, потом завернула в чистый платок и положила в дорожный сундук.

Гребень, привезённый матерью, сломался много лет назад. Рубашку износили и пустили на тряпки. Узелок тоже не сохранился.

Куклу она всё-таки взяла.

Глава вторая

Северный Йоркшир, апрель 1820 года

За последним поворотом море появилось так неожиданно, что Элинор подалась вперёд и едва не ударилась лбом о край экипажа.

До этого дорога шла между невысокими каменными стенами. За ними лежали поля, кое-где ещё залитые водой; овцы, сбившись в тесную группу, поворачивали головы вслед проезжавшим. Ветер тянул с востока, забирался под плащ, и Элинор уже успела пожалеть, что отказалась от второго одеяла. Но теперь она забыла о холоде.

Море было серым, с зелёными провалами между длинными белыми полосами пены. Оно поднималось к самому небу, и только узкая более светлая черта позволяла различить, где кончается вода. Далеко внизу волна ударила в скалы. Звука почти не было слышно, зато Элинор увидела, как брызги взлетели над тёмным камнем и рассыпались, не долетев до края обрыва.

— Там дом? — спросила она.

Кучер повернул голову. До сих пор он отвечал коротко, но терпеливо, хотя вопросов за последние полчаса было немало.

— Он самый, мисс.

Замок стоял на выступе берега. Две башни, неодинаковые по высоте, соединяла тяжёлая тёмная стена; справа к ней примыкал более новый корпус с высокими окнами. На крыше росла трава. Из нескольких труб поднимался дым, который ветер сразу прижимал к камню, так что казалось, будто дом медленно выдыхает его через щели.

Элинор не сразу заметила сад. Он прятался ниже, в углублении, обнесённом стеной; над стеной виднелись голые верхушки деревьев. Дорога делала крюк, огибая заросшую лощину, и только потом поднималась к воротам.

— Здесь всегда так дует?

— Нет, мисс.

Она обрадовалась.

— Бывает сильнее.

Элинор посмотрела на него. Лицо у кучера оставалось серьёзным, но возле глаз появились складки.

— Вы могли бы сначала сказать вторую половину.

— Тогда вы не успели бы порадоваться.

Его звали Томас Рид. Он приехал за нею утром на крепком небольшом экипаже и сам погрузил сундук, не позволив помогать. У него была широкая спина, аккуратно починенный воротник и привычка прежде смотреть на лошадь, а потом уже на человека, который с ним разговаривал. Элинор решила, что он ей нравится, хотя добиться от него сведений о хозяине оказалось невозможно.

У ворот стоял мальчишка лет тринадцати. Он побежал открывать, на ходу натягивая куртку.

— Опять спал? — спросил Томас.

— Никак нет.

— Тогда застегнись. Вид бодрый будет.

Мальчишка мельком взглянул на Элинор и замер, забыв о воротах. Томас негромко окликнул его, и тот поспешно отступил, покраснев до ушей.

Во дворе пахло лошадьми, сырым камнем и чем-то печёным. Последний запах ободрил Элинор больше, чем она ожидала. Издали замок казался почти нежилым; здесь хлопала дверь, кто-то ругался возле водостока, через двор торопливо шла женщина с корзиной белья. Бельё прикрывали старой простынёй, но ветер всё равно вырывал угол и пытался унести его.

Томас остановил лошадь возле бокового входа.

— Парадную дверь открывают редко, — объяснил он. — Здесь удобнее.

На ступени появилась высокая сухощавая женщина. Тёмное платье, связка ключей у пояса, белый чепец, из-под которого не выбивалось ни волоска. Она оглядела Элинор, задержалась взглядом на её лице и нахмурилась.

Элинор поспешно поправила плащ. На подоле виднелась дорожная грязь, но для такого длинного пути её было даже немного.

— Мисс Марш?

— Да. Добрый день.

— Марта Белл. Экономка. Проходите, вы замёрзли.

Внутри оказалось немногим теплее. За дверью тянулся широкий проход с каменными плитами; в глубине виднелась лестница, направо открывалась дверь в помещение, откуда доносились голоса и стук посуды. Миссис Белл повела Элинор именно туда.

Кухня была большая, низкая, с почерневшей балкой поперёк потолка. У очага стояла полная женщина с засученными рукавами. Она подняла голову, увидела приезжую и вытерла руки о передник.

— Вот и новая, — сказала она.

Потом, заметив выражение лица экономки, добавила:

— Вода горячая. Сейчас чай будет.

— Мисс Марш сперва снимет плащ.

Элинор развязала тесёмки. Пальцы слушались плохо, и миссис Белл помогла, хотя сделала это с таким видом, будто исправляла непорядок.

— Благодарю. Здесь у вас хорошо пахнет.

Кухарка сразу смягчилась.

— Пирог с луком. Если не боитесь.

— Лука?

— Пирога. Томас, сядь, коли пришёл. Нечего стоять над душой.

Экономка поставила перед Элинор чашку, но сама осталась на ногах.

— Сестра Агнес объяснила вам обязанности?

— В общих чертах. Доктор Фенвик обещал приехать.

— Он будет к вечеру. Комната вам приготовлена наверху, неподалёку от комнаты мистера Эшкомба. Колокольчик вы услышите.

Кухарка почему-то перестала резать пирог.

— Если он позвонит, — добавила миссис Белл.

Элинор подняла чашку обеими руками. Тепло немного успокоило её.

— А прежняя сиделка ещё здесь?

— Уехала вчера.

— Понятно.

Понятно было далеко не всё. Элинор хотелось спросить, что случилось вчера и почему женщина не подождала до утра, но в кухню вбежала девушка с красными глазами и заговорила прежде, чем заметила гостью.

— Опять не взял. Сказал, если ещё раз принесу эту дрянь…

Она осеклась.

Миссис Белл выпрямилась.

— Бет, принеси чистые полотенца в малую комнату. Мисс Марш приехала.

Девушка посмотрела на Элинор с откровенным недоверием, потом вдруг спросила:

— А вы надолго?

— Бет.

— Я только…

— Полотенца.

Когда дверь за нею закрылась, кухарка шумно выдохнула и положила на тарелку Элинор такой кусок пирога, словно собиралась накормить её на весь остаток дня.

— Ешьте, пока горячее.

Миссис Белл наконец села напротив.

— Мистер Эшкомб тяжело перенёс утрату, — сказала она. — Порой он бывает несдержан. Я прошу вас не принимать этого близко к сердцу.

Элинор кивнула. На мгновение ей захотелось, чтобы сестра Агнес сидела здесь, рядом, и сама спрашивала обо всём необходимом. Потом это желание рассердило её. Она ведь только утром так уверенно говорила, что справится.

— Мне нужно будет узнать, что он ест, когда спит, какие средства назначил доктор. И где хранится бельё.

— Всё покажу.

— Ещё мне нужен кувшин с водой и таз.

Экономка посмотрела на её руки.

— В вашей комнате есть.

— Нет, я хочу вымыть руки до того, как пойду к больному.

На этот раз миссис Белл взглянула на неё внимательнее.

— Разумеется.

Она отвела Элинор в маленькое помещение возле кладовой. Вода была холодная, мыло скользило, и пришлось долго оттирать пальцы от дорожной пыли. В кухне говорили вполголоса. Отдельных слов Элинор не различала, зато отчётливо услышала собственное имя и вдруг почувствовала себя снова семилетней: взрослые обсуждают, куда её поместить, а она должна тихо сидеть и ждать.

Она вытерла руки досуха и вернулась сама.

— Я готова.

На лестнице их встретил сквозняк. Наверху тянулась галерея, по одной стороне которой висели потемневшие картины. В нескольких местах обои отошли от стены; у окна стояла фарфоровая ваза с давно высохшими ветками. Элинор заметила на столике чистую дорожку среди пыли: какой-то предмет недавно убрали.

Миссис Белл шла быстро, не оглядываясь. Возле поворота она остановилась и указала на узкую дверь.

— Здесь ваша комната. Позже осмотритесь. А это…

Договорить ей не удалось.

Из-за приоткрытой двери донёсся мужской голос:

— Я сказал — убери.

Следом что-то глухо стукнуло, девушка вскрикнула, и на пол коридора вылетела серебряная ложка. Она звякнула о камень и остановилась возле ноги Элинор.

Миссис Белл поспешила вперёд. Элинор оказалась у двери почти одновременно с нею.

Комната была тёмной. Шторы закрывали высокие окна, но между полотнищами пробивался узкий свет. В этой полосе лежали осколки тарелки, перевёрнутый поднос и растекавшаяся по ковру бурая жидкость.

Бет стояла возле стены, прижав к себе руку.

На кровати сидел мужчина.

Первое, что Элинор увидела ясно, была его рука: длинная, жилистая, с напряжёнными пальцами. Она ещё оставалась вытянутой после броска. Потом мужчина опустил её на одеяло.

— Уведите её, Белл.

Голос оказался низким и хриплым. Он не кричал; от этого сказанное звучало ещё неприятнее.

— Вы попали в неё? — спросила Элинор.

Мужчина повернул голову.

Волосы падали ему на лицо. Борода скрывала щёки и подбородок, а в полутьме над нею выделялись только глаза, неожиданно светлые. Несколько мгновений он смотрел на незнакомку, словно пытался понять, каким образом та здесь очутилась.

— Кто это?

— Мисс Марш, сэр, — сказала экономка. — Доктор Фенвик…

— Нет.

Он произнёс это прежде, чем она успела закончить.

— Сэр…

— У меня уже была одна. И другая. Этой тоже незачем распаковываться.

Элинор подошла к Бет.

— Покажите руку.

Девушка послушалась не сразу. На запястье краснела полоса, ниже виднелась маленькая ссадина.

— Горячее?

— Уже нет, мисс.

— Всё равно подержите в прохладной воде. Миссис Белл, вы можете пойти с нею?

Экономка колебалась.

— Я останусь здесь, — добавила Элинор.

— В этом нет необходимости, — сказал мужчина.

Она посмотрела на него.

— Вы не попали бы в неё, если бы поднос остался у неё в руках.

За спиной у Элинор стало очень тихо.

— Белл, — произнёс хозяин. — Закройте дверь. С той стороны. Вместе со всеми, кого привели.

Элинор отошла, пропуская женщин. Миссис Белл задержалась возле неё и едва слышно сказала:

— Я буду рядом.

Дверь закрылась.

Теперь стало слышно, как за окнами стучит плохо закреплённая рама. В комнате пахло остывшей едой, несвежим бельём и дымом. Возле камина стояло кресло с аккуратно сложенным пледом, но подлокотники покрывал тонкий слой пыли.

Элинор нагнулась и подняла поднос.

— Оставь.

— Здесь осколки.

— Я их вижу.

— А я пока нет. Темно.

Она поставила поднос на стол и подошла к ближайшему окну.

— Не трогай шторы.

Рука Элинор остановилась. Она уже успела ухватиться за тяжёлый край; на пальцах осталось что-то липкое от пыли и сырости.

— Мне нужно убрать стекло.

— Это фарфор.

— Значит, фарфор.

Он смотрел на неё с таким выражением, что она вдруг остро почувствовала собственную неопытность. До этого её сердило случившееся с Бет; теперь она стояла в чужой комнате перед человеком, который имел полное право велеть ей уйти. Человек этот был болен, несчастен и явно собирался воспользоваться обоими обстоятельствами.

— Свечу, — сказал он.

— Что?

— Если тебе так хочется ползать по полу, зажги свечу.

На столе действительно стоял подсвечник. Элинор нашла рядом коробку с огнивом. Чтобы добыть огонь, понадобилось несколько попыток; всё это время она чувствовала на спине его взгляд и злилась на собственные дрожащие пальцы.

Потом принесла из коридора щётку и совок. Убирая осколки, она заметила возле ножки кровати нетронутый кусочек хлеба. Тонкий, с аккуратно срезанной коркой.

— Ты глухая? — спросил хозяин.

— Нет.

— Тогда почему ещё здесь?

Элинор выпрямилась.

— Я приехала работать. Условия я обсуждала с доктором Фенвиком и миссис Белл. Когда доктор приедет, мы поговорим ещё раз.

— Ты забываешь, что я хозяин. И могу вышвырнуть тебя отсюда в любой момент.

— Сомневаюсь, — она демонстративно окинула взглядом его длинную фигуру под простынёй. — Вам и встать-то никак.

Слова сорвались прежде, чем Элинор успела их обдумать.

Он замер. В комнате стало тихо, даже рама на мгновение перестала стучать. Элинор увидела, как изменился его взгляд, и горячая волна стыда поднялась от шеи к лицу.

— Простите, — сказала она. — Это было жестоко.

Он продолжал смотреть на неё.

— Я не должна была этого говорить.

— Но сказала.

— Да.

Ей захотелось объяснить, что она рассердилась за Бет, что сама испугалась и что обычно умеет лучше сдерживать язык. Ни одно объяснение сейчас не помогло бы.

Она наклонилась за совком.

— Когда закончишь, уйди, — сказал он.

На этот раз она не ответила.

Собрав осколки, Элинор вынесла их в коридор. Миссис Белл стояла у окна. Увидев её лицо, она поджала губы, но ничего не спросила.

— Ему давно приносили свежую воду? — сказала Элинор.

— Утром.

— Я принесу ещё.

Она спустилась на кухню, попросила кувшин и чистую чашку. Кухарка молча наполнила кувшин, потом положила на небольшую тарелку два ломтика хлеба и кусок холодного мяса.

— Это вам, — сказала она, заметив колебание девушки. — Пирога вы так и не поели.

Элинор поблагодарила, но тарелку оставила внизу.

Когда она вернулась, хозяин лежал, отвернувшись к стене. На её шаги не отозвался. Она поставила воду на столик возле кровати и убрала прежнюю чашку. На дне засох тёмный ободок.

— Здесь свежая вода, — сказала она. — Я оставлю вас до приезда доктора.

Она дошла до двери, остановилась.

— Бет не виновата, что я вам нагрубила. Не надо срывать это на ней.

Он повернулся. Элинор приготовилась к новой резкости, но он только посмотрел на кувшин, затем на неё.

— Закрой дверь.

Она закрыла.

В своей комнате Элинор села на край узкой кровати, не снимая платья. На большом пальце саднило: пока она собирала фарфор, острый край всё-таки задел кожу. Она долго разглядывала маленький порез, потом встала и пошла искать чистую полотняную полоску.

Сундук стоял у стены, ещё не распакованный. Доставая из него бельё, она задела свёрток с куклой. На мгновение ей захотелось снова уложить всё, спуститься к Томасу и попросить отвезти её обратно.

Вместо этого она вынула рубашки и разложила их на полке.

Глава третья

Доктор Фенвик приехал, когда уже смеркалось. Элинор услышала в коридоре шаги, выглянула и увидела невысокого мужчину, снимавшего на ходу перчатки. Миссис Белл несла перед ним свечу. Свет выхватывал то лысеющий лоб, то круглую металлическую застёжку на его сумке.

Он остановился при виде девушки.

— Мисс Марш?

Она кивнула.

— Сестра Агнес говорит, вы растёте быстрее, чем набираетесь терпения.

— Думаю, теперь терпение меня догнало. Расти я давно перестала.

Доктор посмотрел на неё поверх очков.

— Это мы ещё увидим.

У двери спальни он забрал у экономки подсвечник и велел Элинор подождать. Она отступила к окну. В стекле отражался длинный коридор, её собственное лицо, огонёк в руке миссис Белл. За отражением уже ничего не было видно.

Разговор в комнате начался негромко. Потом хозяин повысил голос, и Элинор невольно повернулась.

— Нет, Натаниэль, — отчётливо произнёс доктор. — Об этом я с вами спорить не стану.

Ответа она не разобрала.

Миссис Белл сделала вид, что поправляет фитиль свечи.

Когда Элинор наконец позвали, в спальне горели две свечи. Мужчина полулежал, опираясь на подушки. Теперь было видно, насколько он худ: ворот расстёгнутой рубашки открывал впадину возле ключицы, запястье свободно ходило в широком манжете. Но плечи оставались большими, и от этого худоба казалась ещё заметнее.

На Элинор он не посмотрел.

— Вы останетесь на неделю, — сказал доктор. — За это время познакомитесь с порядком в доме и с теми трудностями, о которых я писал сестре Агнес. Потом поговорим снова.

— Мне никто не писал, — заметил хозяин.

— Вы не отвечали на предыдущие письма.

— И вы решили привезти ответ лично. Вместе с подкреплением.

Фенвик подвинул стул к столу.

— Мисс Марш, садитесь.

Элинор села. Доктор расспросил её о работе в обители, о старом враче, которому она помогала, и о том, что именно ей приходилось делать. Вопросы были короткие и точные. Когда она попыталась рассказать больше, он мягко вернул её к тому, о чём спрашивал.

Натаниэль лежал неподвижно, закрыв глаза. Только когда она упомянула перевязки, уголок его рта дрогнул.

— Надеюсь, вы не собираетесь упражняться на мне.

— Надеюсь, в этом не будет необходимости, — ответила она.

Доктор достал из сумки тетрадь.

В комнате стало прохладнее. Элинор чувствовала сквозняк возле лодыжек, но мужчина сбросил одеяло до пояса, словно холод его не беспокоил. На столике стояла чашка, из которой он, по-видимому, пил: уровень воды понизился. Она поймала себя на том, что обрадовалась этому, и тут же отвела взгляд, чтобы никто не заметил.

Доктор говорил о распорядке, еде, сне. Просил записывать, сколько больной съел и как прошла ночь, не менять назначений без него и сообщать, если появится что-нибудь новое. Из того, что он сказал, Элинор поняла главное: простого средства, которое вернуло бы Натаниэлю способность ходить, у него не было.

Сам хозяин, судя по выражению лица, давно перестал ожидать от врачей чего-либо полезного.

Когда Фенвик закрыл тетрадь, Элинор спросила:

— У него бывают боли?

Натаниэль открыл глаза.

— У него есть язык, мисс Марш.

Она повернулась к нему.

— У вас бывают боли?

Он выдержал её взгляд.

— Бывают.

— Где?

— Сейчас — в голове.

— Я хотела узнать…

Доктор чуть заметно коснулся её локтя. Она замолчала.

— На сегодня достаточно, — сказал он. — Натаниэль, я пришлю человека проверить раму. Здесь невозможно сидеть.

— Тогда не сидите.

— Непременно воспользуюсь советом.

В коридоре Фенвик закрыл дверь и некоторое время стоял, сжимая перчатки. Вблизи он оказался старше, чем показалось Элинор сначала. Под глазами залегли тёмные мешки, на щеке дрожала мелкая жилка.

— Не расспрашивайте его обо всём сразу, — сказал он. — И не обещайте, что непременно поставите на ноги.

— Я не собиралась.

— Хорошо. Он слышал достаточно обещаний.

Элинор помедлила.

— Но вы считаете, что это возможно?

Доктор посмотрел в сторону двери.

— Я считаю, что мы пока не сделали всего, что могли. А он не позволяет сделать и того, что доступно сейчас.

— Сколько времени он…

— Полтора года.

Она знала об этом, но всё равно почувствовала растерянность. Полтора года в одной комнате. За это время в обители успели смениться две воспитательницы, рухнула старая яблоня, Роза уехала к отцу, а Элинор научилась не бояться дороги в одиночку. Здесь же, казалось, только оседала пыль.

— Почему вы решили, что я подойду?

Фенвик снова надел очки, хотя читать уже ничего не собирался.

— Потому что Агнес не стала бы рекомендовать вас из желания поскорее пристроить. Остальное выяснится.

Он ушёл, оставив тетрадь. Элинор раскрыла её на первой странице. Почерк был мелкий, с длинными хвостами у букв. В углу стояло полное имя больного: Натаниэль Генри Эшкомб.

Она прочитала его ещё раз и закрыла тетрадь.

На ужин хозяину приготовили бульон, хлеб и немного рыбы. Элинор сама взяла поднос. Миссис Белл придержала дверь, но входить не стала.

Натаниэль смотрел в сторону камина. Там наконец разгорелся огонь, и комната обрела глубину: стали различимы большой шкаф возле стены, небольшой письменный стол и картина, повёрнутая лицом к обоям.

Элинор поставила поднос.

— Мне нужно поправить вам подушки.

— Они меня устраивают.

Одна сбилась под плечом, другая съехала набок. Он лежал криво, но девушка уже понимала, что указать на это недостаточно.

— Вам будет неудобно есть.

— Я не собираюсь.

Она посмотрела на бульон. Пока его несли, на поверхности успели собраться маленькие золотистые кружки жира. Кухарка, которую звали миссис Прайс, отдала ей поднос с таким выражением, будто вместе с ужином вручала последнюю надежду.

— Здесь можно оставить только чашку, — предложила Элинор. — Без подноса.

— Мисс Марш, вы утомительны.

— Мне уже говорили.

— Судя по всему, недостаточно убедительно.

Она сняла чашку и поставила на столик. Хлеб оставила рядом.

— Я всё-таки поправлю эту подушку. Вам не нужно подниматься, только чуть наклониться вперёд.

Она протянула руку, и он схватил её за запястье.

Элинор не успела испугаться. Сперва её удивила сила пальцев: они сомкнулись быстро и точно, словно никакой слабости в этом человеке не было. Потом стало больно.

— Я сказал — не трогай.

Она смотрела ему в лицо. С такого расстояния его глаза оказались серыми, с более тёмным ободком у радужки. На виске билась жилка.

— Отпустите руку.

Он не отпустил.

Элинор почувствовала, как под его пальцами натянулась кожа, и сказала ещё раз, тише:

— Вы делаете мне больно.

Хватка разжалась.

Она убрала руку, прижала к юбке. На запястье осталось несколько светлых пятен, которые быстро наливались красным.

Натаниэль посмотрел на них, затем снова на её лицо.

— В следующий раз, — произнёс он, — слушай, когда тебе говорят.

У Элинор пересохло во рту. Она хотела ответить так, чтобы он тоже почувствовал боль, и уже знала, какие слова для этого выбрать. Оттого пришлось постоять молча.

— Я буду говорить прежде, чем прикоснусь, — наконец сказала она. — Вы будете держать руки при себе.

Он усмехнулся, но ничего не ответил.

Она отодвинула стул. Нести поднос обратно пока не хотелось: это означало бы, что весь разговор начнётся снова через несколько часов, а бульон окончательно остынет.

— Чашка здесь. Если понадобится что-то ещё, позвоните.

Выйдя, Элинор не сразу закрыла дверь. На столике лежал колокольчик, до которого ему пришлось бы тянуться; она вернулась, подвинула его ближе и только после этого ушла.

В кухне миссис Прайс спросила, поел ли хозяин.

— Пока нет.

Кухарка отвернулась к очагу.

— Рыбу совсем не тронул?

— Я оставила бульон.

— Он и его не станет.

За столом сидели Бет и Томас. Девушка держала ложку левой рукой; на правом запястье белела повязка. Элинор села рядом и попросила показать руку. Ссадина была пустяковая, больше досаждал ушиб.

— Завтра будет синяк, — сказала Бет.

— Наверное.

— Вы не говорите ему, что я жаловалась.

Элинор посмотрела на неё.

— Я не стану.

Томас подвинул ей хлебницу.

— Ешьте, мисс. А то совсем уж несправедливо выходит: он не ужинает, а голодные все.

Элинор невольно улыбнулась. До сих пор она не замечала, как хочет есть.

Миссис Белл пришла позже, когда на стол поставили чайник. Она сообщила, что доктор обещал вернуться через три дня, распорядилась насчёт утреннего белья и, уходя, положила перед Элинор маленькую связку ключей.

— От кладовой наверху. Там полотенца, простыни, свечи. Только дверь потом запирайте: сквозняком открывает.

Ключи были тёплые от её ладони. Элинор спрятала их в карман.

Ночью она долго не могла уснуть.

Комната оказалась удобнее, чем представлялось сначала. Здесь были кровать, умывальный столик, комод и небольшой шкаф. У окна стоял стул. Занавеска шевелилась от ветра, хотя рама казалась плотно закрытой; Элинор подоткнула край сложенным полотенцем, и стало тише.

В сундуке оставались неразобранными книги и швейные принадлежности. Она достала чистый лист, поставила свечу ближе и написала: «Дорогая сестра Агнес».

Дальше ничего не получалось.

Сообщить, что доехала благополучно, было легко. Рассказать о море тоже. Но она знала, что наставница будет искать в письме другое и непременно заметит, если за описанием дороги ничего не последует.

Элинор положила перо.

За стеной что-то стукнуло. Она подняла голову. Сначала показалось, что шум шёл снаружи: ветер дёргал ставню или плохо закреплённую доску. Но затем звук повторился, уже ближе, и послышалось короткое глухое восклицание.

Она надела поверх рубашки платье, сунула ноги в башмаки и вышла со свечой.

В коридоре было пусто. У двери спальни хозяина лежала длинная полоса света. Элинор прислушалась, негромко постучала.

Ответа не было.

Она приоткрыла дверь.

Огонь в камине почти погас. Натаниэль лежал на спине; одна рука свешивалась с кровати, на полу рядом темнело пятно. Элинор поставила свечу, подошла и увидела опрокинутую чашку. Бульон он всё-таки выпил: на ковре была только вода.

— Мистер Эшкомб?

Он резко повернулся. Элинор отступила, прежде чем он успел протянуть руку.

Несколько мгновений он смотрел на неё, тяжело дыша. Потом взгляд прояснился, и лицо сразу стало сердитым.

— Что ты здесь делаешь?

— Услышала шум. Вы уронили чашку.

Он посмотрел на пол.

— Вот и вся трагедия. Можешь идти.

Элинор подняла чашку. Та осталась цела. На одеяле виднелось мокрое пятно; она взяла полотенце, но остановилась, заметив, как напряглась его рука.

— Здесь вода. Я промокну её полотенцем.

Он не ответил. Она осторожно прижала ткань к одеялу. В комнате стоял тяжёлый воздух; на лбу у Натаниэля блестела испарина, хотя его плечи были холодными на вид.

— Вам принести другую рубашку?

— Нет.

— Хорошо.

Она снова наполнила чашку. Пальцы у него дрожали, когда он взял её, и Элинор отвернулась к столу, чтобы не смотреть. Там лежала закрытая книга. Между страниц выступал короткий обрывок синей ленты, слишком узкой для закладки.

— Ты всегда столько разговариваешь? — спросил он.

— Сейчас я молчу.

Натаниэль вернул чашку. Она взяла её, стараясь не задеть его пальцев, но он вдруг спросил:

— Агнес тебя прислала?

— Да.

— Она ещё жива?

Элинор удивлённо посмотрела на него.

— Вы знакомы?

— К несчастью.

Она не удержалась от улыбки.

— Тогда она непременно обрадуется, когда я передам.

Он заметил улыбку, и лицо его закрылось.

— Ничего ей не передавай.

Элинор поставила чашку.

— Вам оставить свечу?

— У меня есть огонь.

Угли в камине едва тлели. Она взяла кочергу, но потом передумала, вернулась за своей свечой и направилась к двери.

— Криво стоит, — сказал он.

Она обернулась.

Натаниэль смотрел на подсвечник в её руке. Воск размягчился, свеча действительно наклонилась, и капля уже ползла к пальцам.

Элинор выправила её.

— Благодарю.

Он закрыл глаза.

Вернувшись к себе, она прочитала единственную строчку письма, снова обмакнула перо и написала, что дом большой, вода далеко, а бельевая кладовая устроена неудобно. Потом рассказала о докторе, миссис Белл и кухарке, которая кладёт слишком большие порции. Упомянула море.

Над последними словами она подумала дольше всего.

«Боюсь, я сегодня была не так терпелива, как вы надеялись. Но мистер Эшкомб выпил бульон. Завтра постараюсь написать вам ещё».

Элинор посыпала лист песком, стряхнула его и оставила письмо раскрытым. Утром надо будет добавить, как прошла остальная ночь.

Глава четвёртая

Утром Элинор разбудил колокол. Несколько мгновений она лежала, не открывая глаз, и удивлялась, почему сестра Маргарет не стучит в дверь. Потом вспомнила, где находится, и села так быстро, что одеяло сползло на пол.

Колокол звонил снаружи. Его глухой неровный голос то приближался, то пропадал за шумом ветра. В комнате стоял непривычный свет; на потолке дрожало отражение воды, оставленной в тазу.

Элинор оделась, наскоро убрала волосы и вышла. Возле хозяйственной лестницы Томас разговаривал с незнакомым человеком, державшим под мышкой деревянный ящик.

— Мастер пришёл, — пояснил он, заметив девушку. — Раму чинить.

Она обрадовалась. Хорошо было узнать, что некоторые вчерашние распоряжения ещё продолжают действовать и утром, когда доктор уехал.

Но в спальне хозяина их встретили без всякой радости.

— Позже, — сказал Натаниэль.

Он лежал лицом к двери и, судя по голосу, давно не спал. Мастер перемялся с ноги на ногу.

— Доктор велел сегодня, сэр. Я бы замерил, чего нужно, а потом уж…

— Позже.

Томас взял его за локоть и вывел в коридор. Элинор осталась.

— Рама стучит всю ночь, — сказала она.

— Тебе мешает?

— Я думала, вам.

— Как видишь, ошиблась.

Он закрыл глаза. Элинор посмотрела на окно, потом на опустевшую чашку. Рядом лежал хлеб: от одного ломтика был отломлен уголок.

Она забрала посуду и вышла.

Мастер ждал у лестницы, держа шапку обеими руками. Миссис Белл объясняла ему, что работу оплатят и что прийти придётся ещё раз. Он кивал, явно не впервые слыша подобное. Элинор вдруг представила, как он собирался с утра, укладывал инструменты и шёл сюда по холодной дороге, чтобы постоять несколько минут у кровати и отправиться обратно.

— Простите, — сказала она, проходя мимо.

Мастер удивлённо посмотрел на неё.

— Да что ж вы, мисс. Мы привычные.

Это утешение показалось ей хуже жалобы.

После завтрака миссис Белл повела её показывать кладовые. Наверху хранились простыни, полотенца, свечи, мыло и несколько стопок старого полотна, которое разрешалось брать на перевязки. Внизу, возле кухни, стояли большие медные баки. Горячую воду приходилось носить по узкой лестнице; на повороте два человека могли разминуться только боком.

— У мистера Эшкомба прежде был камердинер, — сказала экономка. — Мистер Уилкс. Уехал прошлой зимой к больному брату. Хозяин не велел искать другого.

Элинор опустила в корзину полотенце.

— А кто помогает ему сейчас?

— Томас. Когда позволяет. Иногда я.

— Вы одна?

Миссис Белл не ответила сразу. Она поправила край стопки, хотя тот лежал ровно.

— Мы делаем, что можем, мисс Марш.

Элинор стало стыдно за вопрос. Он прозвучал так, словно она приехала обнаружить чужую нерадивость, а не помочь людям, которые полтора года жили с этим человеком под одной крышей.

— Я не это имела в виду.

— Знаю. Свечей много не берите. Те, что покороче, годятся для коридора.

В спальню Элинор вернулась с тазом и чистым полотенцем. Натаниэль сидел, облокотившись на спинку кровати, и смотрел на что-то в руке. При её появлении пальцы закрылись.

— Что теперь?

— Вода. Вам будет удобнее умыться до завтрака.

— А завтрак будет удобнее съесть до обеда. Мы оба необыкновенно проницательны.

Она поставила таз, проверила воду пальцами и развернула полотенце.

— Здесь мыло. Я могу выйти.

Он смотрел на неё, не меняя выражения лица. Элинор уже почти решила, что опять придётся всё унести, когда он протянул руку.

Она подвинула таз ближе.

Он вымыл лицо и руки сам. Элинор отвернулась к камину и занялась углями; за её спиной плескалась вода, звякнула о край мыльница. Потом он бросил полотенце на столик.

На ткани остались серые полосы.

— Удовлетворена?

— Вполне.

— Жаль. Я рассчитывал доставить тебе больше забот.

Элинор взяла таз.

— День ещё длинный.

Когда она принесла завтрак, он к нему не прикоснулся. Позже не захотел пить, потом велел убрать чашку, которую сам попросил поставить. В полдень Элинор обнаружила, что всё утро проходит между кухней и спальней, а в тетради доктора по-прежнему почти нечего записать.

На лестнице Бет остановила её за рукав.

— Вы на звон бежите или так?

— Он просил принести воды.

— Так ведь только что носили.

— Холодная стала.

Бет посмотрела на кувшин, но промолчала. Элинор вдруг очень отчётливо увидела собственный вид со стороны: новая сиделка, уверенная, что сумеет сделать всё лучше, в шестой раз тащит по лестнице одну и ту же воду.

— Может, я чего-то не понимаю, — сказала она.

— Он смотрит, когда вам надоест.

— А вам когда надоело?

Бет пожала здоровым плечом.

— Мне жалованье нужно.

В спальне Натаниэль лежал с закрытыми глазами. Увидев кувшин, кивнул на стол.

— Теперь принеси чистую чашку.

— Эта чистая.

— Я сказал — другую.

Элинор поставила кувшин. Руки у неё устали, а на запястье под манжетой тянуло место, где вчера сомкнулись его пальцы.

— Чем эта вас не устраивает?

Он открыл глаза.

— Мне следует отчитываться перед тобой о каждой чашке?

— Нет. Но мне хотелось бы знать, что именно нужно изменить.

— Твоё представление о собственном положении, для начала.

Она замолчала.

Он приподнялся, опираясь на локоть. Движение было коротким, резким; от усилия под тканью проступило плечо.

— Тебя наняли приносить воду и менять простыни. Агнес, по-видимому, забыла объяснить разницу между сиделкой и хозяйкой дома.

— Она объяснила мне обязанности.

— Тогда исполняй их. За это тебе и платят. Или в монастыре привыкли получать содержание за благочестивые разговоры?

Элинор почувствовала, как лицо становится горячим.

Вчера ей хотелось задеть его в ответ. Сейчас почему-то совсем не нашлось слов. Она смотрела на край подушки, где ткань протёрлась до мелкой сетки, и никак не могла отвести взгляд.

Натаниэль продолжал:

— Хотя, пожалуй, тебе повезло. Мало кто стал бы платить за усердие девицы, которую четырнадцать лет держали из милости.

Он знал это от доктора или Агнес. Элинор сама не рассказывала.

Она взяла пустой поднос.

— Свежая вода здесь. Еда будет в обычное время. Если понадобится помощь, позвоните.

Голос прозвучал ровно, и она успела почувствовать облегчение, прежде чем добраться до двери.

— Ты обиделась?

Она обернулась.

Он наблюдал за нею. Не было видно, доволен ли результатом, но продолжать разговор он явно собирался.

— Да, — сказала Элинор. — Поэтому сейчас уйду.

В коридоре она поставила поднос на подоконник и прижала ладонь к щеке. Кожа была горячей. Нельзя было идти вниз с таким лицом: Бет посмотрит, кухарка замолчит, а миссис Белл снова станет объяснять, как тяжело человек перенёс утрату.

Элинор открыла дверь своей комнаты и села у окна.

На столе лежало письмо. Она дописала утром, что ночью хозяину было неспокойно, но ничего определённого сказать пока не может. Теперь захотелось приписать всё остальное, длинно и подробно, чтобы Агнес объяснила, как тут следует поступать. Элинор уже представляла её ответ и оттого сердилась ещё больше.

Она сложила лист и запечатала его.

Потом достала из шкатулки счётную книжку. В ней были записаны деньги на дорогу, стоимость почтовой бумаги и обещанное жалованье. Раньше эти цифры казались знаком будущей самостоятельности. Теперь выглядели так, словно хозяин только что разложил перед нею её цену.

Элинор закрыла книжку, постояла и пошла на кухню.

Миссис Прайс месила тесто. Увидев девушку, она указала локтем на скамью.

— Сядьте, пока место есть. Скоро всё мукой занесёт.

— Я не устала.

— А я не спрашивала.

Элинор села. Кухарка некоторое время работала молча; её сильные руки переворачивали тяжёлый ком, прижимали, складывали. На окне стояла чашка с укоренившейся веточкой. Белые тонкие корешки расползались вдоль стекла.

— Дочь прислала, — сказала миссис Прайс, заметив её взгляд. — У неё такое во дворе растёт. Сказала — воткни в землю. А я всё не соберусь.

— Здесь во дворе холодно.

— Вот и я так думаю. А дочь говорит, мать вечно отыщет причину.

Она усмехнулась, присыпала стол мукой. Элинор вдруг стало легче от того, что речь идёт о чужом дворе и веточке, которую никак не могут пересадить.

— Мне тоже говорят, что я вечно отыщу причину, — призналась она.

— Чтобы не делать?

— Чтобы сделать по-своему.

— Ну, это здесь пригодится. Только завтрак пропускать из-за чужого дурного нрава не нужно.

Кухарка подвинула ей тарелку.

К вечеру мастер всё-таки починил раму. Томас привёл его, сам вошёл первым и коротко сообщил, что внизу ждёт лошадь, а у мастера ещё два дома до темноты. Натаниэль сказал что-то раздражённо. Томас ответил тише. Они знали друг друга достаточно давно, чтобы обходиться без длинных объяснений.

Элинор стояла в коридоре с чистым бельём и слышала, как открывают створку. Холодный воздух потянул даже через приоткрытую дверь. Затем застучал молоток.

Мастер ушёл через четверть часа.

У порога он оглянулся, поклонился и поблагодарил. Натаниэль ответил ему спокойно.

Элинор подождала, пока шаги стихнут, и вошла.

— Бельё можно оставить?

Он кивнул на кресло.

Она положила простыни, поправила покрывавшее их полотенце.

— Я принесла бы другую чашку, если бы эта вам действительно не подходила, — сказала она.

— Ты всё ещё об этом?

— Да. Я медленно думаю, когда расстроена.

Он посмотрел на неё без насмешки. Это продолжалось недолго.

— Постарайся не переутомиться.

Элинор кивнула и направилась к двери. Вслед он ничего не сказал.

Глава пятая

На четвёртое утро миссис Белл встретила Элинор у лестницы и молча взяла у неё корзину.

— Не сейчас, — сказала она.

— Что случилось?

Из спальни донёсся глухой удар. Миссис Белл обернулась, и Элинор увидела у неё на щеке красное пятно. Не след от удара — просто женщина была разгорячена и старалась говорить ровно.

— Томас придёт через минуту. Лучше подождите.

Элинор уже слышала голос хозяина. Он говорил отрывисто, сердито, но слов разобрать не удалось. Потом что-то звякнуло.

Она поставила корзину.

— Там нужна помощь?

Экономка колебалась всего мгновение. Затем открыла дверь.

Возле кровати стояла опрокинутая подставка. Таз, приготовленный для умывания, лежал на боку; вода растеклась по ковру и пропитала край одеяла. Сам Натаниэль сидел, вцепившись в простыню. Он был белее, чем обычно, и не смотрел ни на кого.

— Я просил оставить, — произнёс он.

Миссис Белл подняла таз.

— Да, сэр.

— Тогда оставьте.

Элинор заметила, что рубашка у него с одного бока совершенно мокрая. Он попробовал оттянуть ткань, но та прилипла к коже. Движение получилось неловким, и она сразу отвела взгляд.

— Я принесу сухое, — сказала она.

— Мне ничего не нужно.

Она вышла прежде, чем успела ответить.

В кладовой пахло лавандой и мылом. Элинор взяла две простыни, рубашку и полотенца. Руки сами перебирали знакомые вещи; это немного помогало не думать о выражении его лица.

Когда она вернулась, в спальне был Томас.

— Я придержу, сэр. Ненадолго.

— У тебя лошади нет?

— Есть. Она подождёт.

— А я, следовательно, не могу.

Томас стоял у кровати и смотрел на него. У него было терпеливое, тяжёлое лицо человека, которому уже несколько раз велели уйти и который всё-таки останется.

Миссис Белл взяла у Элинор бельё.

— Мы здесь устроимся, мисс Марш.

Та кивнула. Но на пороге остановилась, заметив, как Натаниэль снова пытается освободить мокрую рубашку и как дрожит у него рука от напряжения.

— Если подстелить сложенное полотенце, сухое не намокнет, — сказала она. — Я пока уберу воду.

Никто не возразил.

Она опустилась на колени, промокнула ковёр и отодвинула подставку. За её спиной коротко переговаривались. Томас помог Натаниэлю повернуться; кровать скрипнула, раздалось сдавленное ругательство. Элинор не обернулась.

Миссис Белл понадобилось ещё полотенце. Элинор подала, затем взяла снятую простыню. Тяжёлое мокрое полотно холодило руки. Неожиданно ей стало жалко не только Натаниэля, но и экономку, стоявшую над этим полотном так прямо, словно от её осанки зависело достоинство всех присутствующих.

Когда поменяли рубашку, миссис Белл задела локтем кувшин. Элинор успела поймать его у самого края.

— Вот и договорились, — пробормотал Томас. — Теперь бы самим не мыться.

Натаниэль издал какой-то звук. Элинор подняла глаза и поняла, что он почти засмеялся. На мгновение лицо стало другим, но это мгновение закончилось раньше, чем она успела рассмотреть.

Миссис Белл вынесла мокрое бельё. Томас отступил к двери, размял плечо.

— Я внизу, сэр. Позовёте, если понадобится.

Натаниэль ничего не ответил. Он откинулся на подушки и дышал тяжело, как после долгой ходьбы. Элинор поняла, что для него это и было тяжёлой работой, хотя со стороны он почти не двигался.

Она стала убирать оставшиеся вещи. На столе стоял небольшой глиняный горшок с мазью; крышка откатилась под книгу. Элинор достала её, вытерла край и вдруг услышала:

— Довольна?

Она посмотрела на хозяина.

— Чем?

— Представлением.

Элинор некоторое время держала в руке крышку.

— Мне случалось менять бельё у больных.

— Несомненно. Наверное, тебе уже нечему удивляться.

Она поставила горшок на место.

— Вы устали. Я уйду.

— Ты очень ловко обходишься без ответов, когда тебе удобно.

Элинор повернулась к нему.

Он смотрел прямо. Взгляд был злой и одновременно какой-то напряжённо ожидающий, и ей вдруг вспомнилась Роза, которая в жару отталкивала чашку, хотя сама просила пить.

Но перед нею лежал взрослый мужчина. Он знал, что говорит.

— Я не знала, что вы хотите услышать, — сказала она. — Теперь, кажется, понимаю. Мне вас не противно касаться. И смеяться над вами я не собиралась.

Он отвернулся.

Элинор взяла пустую корзину. У самой двери услышала:

— Левое плечо.

Она остановилась.

— Что?

— Подушка. Ты всё хотела её поправить. Теперь можешь.

Элинор вернулась к кровати. Подушка действительно сбилась: когда Натаниэля укладывали, он резко отстранился от Томаса, и угол остался загнутым под лопаткой.

— Мне нужно, чтобы вы чуть подались вперёд.

Он протянул руку. Она не сразу поняла, чего он ждёт, затем подставила предплечье.

Натаниэль опёрся на неё. Ладонь легла поверх рукава — горячая, тяжёлая. Под тканью напряглись мышцы. Элинор наклонилась, поправляя подушку, и оказалась так близко, что щекой почти задела его волосы.

От них пахло мылом и чем-то тёплым, человеческим. Ей вдруг стало трудно помнить, зачем она наклонилась.

— Готово, — сказала она слишком быстро.

Он лёг обратно, но руку убрал не сразу.

Элинор видела его пальцы на своём рукаве, маленький шрам возле большого пальца и тёмные волоски на запястье. Потом он разжал ладонь, и она отступила.

— Так лучше?

— Да.

Это простое слово смутило её больше, чем все прежние насмешки. Она зачем-то расправила край одеяла, хотя он уже лежал ровно, и вышла, забыв корзину.

В коридоре пришлось остановиться и вернуться за ней.

Натаниэль проследил за её движением, но ничего не сказал.

Доктор приехал после полудня. Элинор передала тетрадь и подробно рассказала, сколько хозяин ел, как спал и на что жаловался. О том, что рука показалась ей горячей, она сначала хотела сказать, но вовремя сообразила, что это не имеет отношения к жару.

Фенвик выслушал, задал несколько вопросов, потом кивнул.

— Вы сами спите?

— Да.

Он посмотрел внимательнее.

— Более двух часов подряд?

— Иногда.

— Поговорю с Белл. По ночам вас должны сменять. Если вы свалитесь, мне придётся лечить двоих.

После его ухода миссис Белл села вместе с Элинор составлять порядок дежурств. Первую половину ночи брала на себя экономка. Томас обещал оставаться поблизости, когда требовалось помочь перед сном. Элинор отвечала за утро и день, но после обеда могла отдыхать, если не происходило ничего срочного.

Впервые с приезда у неё появилось время, которое не требовалось немедленно занять делом.

Она вышла во двор. Ветер ослаб, и возле южной стены даже пригревало. Конюший мальчик чистил пряжку на упряжи, изредка дышал на неё и тёр рукавом. Увидев Элинор, он поспешно взял тряпку.

— Так лучше, — согласилась она.

— Я всегда ею.

— Конечно.

Мальчика звали Уилл. Он оказался сыном сестры миссис Прайс и жил в замке с осени. Очень любил лошадей, совсем не любил чистить медь и был уверен, что на верхнем этаже восточного крыла по ночам ходят.

— Кто?

Он понизил голос.

— Женщина. Белая.

— Вы видели?

— Не я. До меня.

— Тогда, может быть, она уже ушла.

Уилл подумал, затем покачал головой.

— Там заперто.

Элинор не нашлась, что ответить на такое возражение. Из кухни выглянула миссис Прайс и позвала племянника, велев принести дрова. Он скрылся с явным облегчением: беседа о привидении окончилась прежде, чем пришлось объяснять всё остальное.

За стеной послышалось море. Элинор пошла вдоль хозяйственных построек и увидела узкий проход в сад.

Калитка не была заперта. Внутри стояли низкие яблони, почти касавшиеся ветвями камня; под ними темнели прошлогодние листья. Дорожка заросла по краям, но посредине сохранялась чистая полоса. Кто-то сюда ходил.

У дальней стены находилась скамья. Одна доска провалилась, и Элинор остановилась рядом, не решаясь сесть. Отсюда было видно море — узкий серебристый просвет между двумя скалами. Волны двигались медленно, словно всё пространство за стеной жило в другом времени.

Она простояла там дольше, чем собиралась.

Возвращаясь, заметила в мягкой земле следы колёс. Они вели к широкой двери у жилого корпуса и обрывались под навесом, где стояло садовое кресло с большими ободьями.

Элинор провела пальцем по деревянной ручке. Пыль осталась на коже.

Вечером она спросила миссис Белл, исправно ли кресло.

— Исправно, — ответила та. — Осенью смазывали.

Элинор хотела расспросить ещё, но экономка добавила:

— Не сегодня, мисс Марш.

Она кивнула. На этот раз возразить не захотелось.

В спальне горела лампа. Натаниэль не спал, держал книгу и смотрел в неё с таким выражением, словно чтение было ещё одним неприятным делом, которое приходилось терпеть.

Элинор поставила воду, спросила, не нужно ли чего-нибудь, и направилась к двери.

— Корзину, — сказал он.

Она обернулась.

— Не забудь. А то придётся опять за нею возвращаться.

Элинор посмотрела на него, потом на пустую корзину у кресла.

— Я начинаю думать, что вам нравится следить за моими ошибками.

— Пока других развлечений мало.

Она взяла корзину. Он снова опустил глаза к книге, но страница осталась неперевёрнутой.

Глава шестая

К концу недели Элинор научилась различать звон колокольчика по тому, как хозяин дёргал шнур. Иногда звякало коротко, один раз; иногда звук повторялся с настойчивостью, которая заставляла Бет вздрагивать даже на кухне. Сама Элинор больше не бежала. Она шла быстро, но оставляла себе несколько мгновений на то, чтобы поставить взятую вещь и вытереть руки.

Однажды он спросил, отчего она так долго.

— Мыла чашку.

— Свою?

— Вашу.

Он посмотрел на принесённую чашку, повертел её в пальцах и больше к этому разговору не возвращался.

Распорядок установился неровный, постоянно грозивший рассыпаться. Натаниэль мог съесть завтрак, а в обед объявить, что запах еды невыносим. Мог позволить помочь утром и прогнать её через час за ту же самую попытку. Временами Элинор думала, что начинает понимать его, но следующее столкновение возвращало прежнюю растерянность.

Тяжелее всего было с окнами.

После починки рама перестала стучать, зато при закрытых шторах в комнате быстро становилось душно. Элинор несколько раз предлагала проветрить. В ответ слышала отказ. Приходилось оставлять приоткрытой дверь, что раздражало хозяина ещё больше.

— Ты намерена устроить из моей спальни проходной двор?

— Я намерена здесь дышать.

— Похвальное желание. Для этого существует коридор.

Она закрыла дверь. Через четверть часа у неё разболелась голова.

На следующий день Элинор принесла чистую рубашку и заметила на белом вороте серое пятно. Сначала решила, что ошиблась при выборе белья, но пятно оказалось от шторы, которую она задела на пути к кровати.

Она посмотрела на пальцы. Потом на тяжёлое полотнище.

— Их нужно снять.

Натаниэль даже не повернул головы.

— Кого?

— Шторы.

— Я предпочитаю, чтобы они оставались на месте.

— Они грязные.

— Удивительно. Я думал, ты приехала наблюдать за моим здоровьем, а не за шторами.

Элинор почувствовала знакомое раздражение и заставила себя положить рубашку на стол.

— Здесь придётся провести ещё много времени. Нам обоим. Я не могу всякий раз нести бельё обратно в стирку, потому что задела ткань у окна.

Он посмотрел на неё.

— Нам обоим?

— До тех пор, пока я здесь работаю.

— Неделя кончилась.

Она знала. Утром доктор спрашивал её о том же самом. Элинор ответила, что останется, если условия не изменятся. Только теперь, под взглядом хозяина, ей стало ясно, что он мог ожидать другого решения.

— Я говорила с доктором Фенвиком.

— Конечно. Следовало бы догадаться, что меня поставят в известность последним.

— Я говорю вам сейчас.

Он прищурился.

— Тебе некуда деваться, мисс Марш?

Вопрос был задан почти лениво. Элинор взяла испачканную рубашку.

— Могу вернуться в Святую Анну. Могу искать другое место. Сейчас я выбрала остаться.

— И заодно снять шторы.

— Да. Это значительно облегчило бы мой выбор.

Он отвернулся, но она успела заметить движение губ.

Несколько мгновений Элинор стояла, не зная, считать ли разговор оконченным.

— Только одно окно, — сказал наконец Натаниэль. — И без всей прислуги у меня над головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.